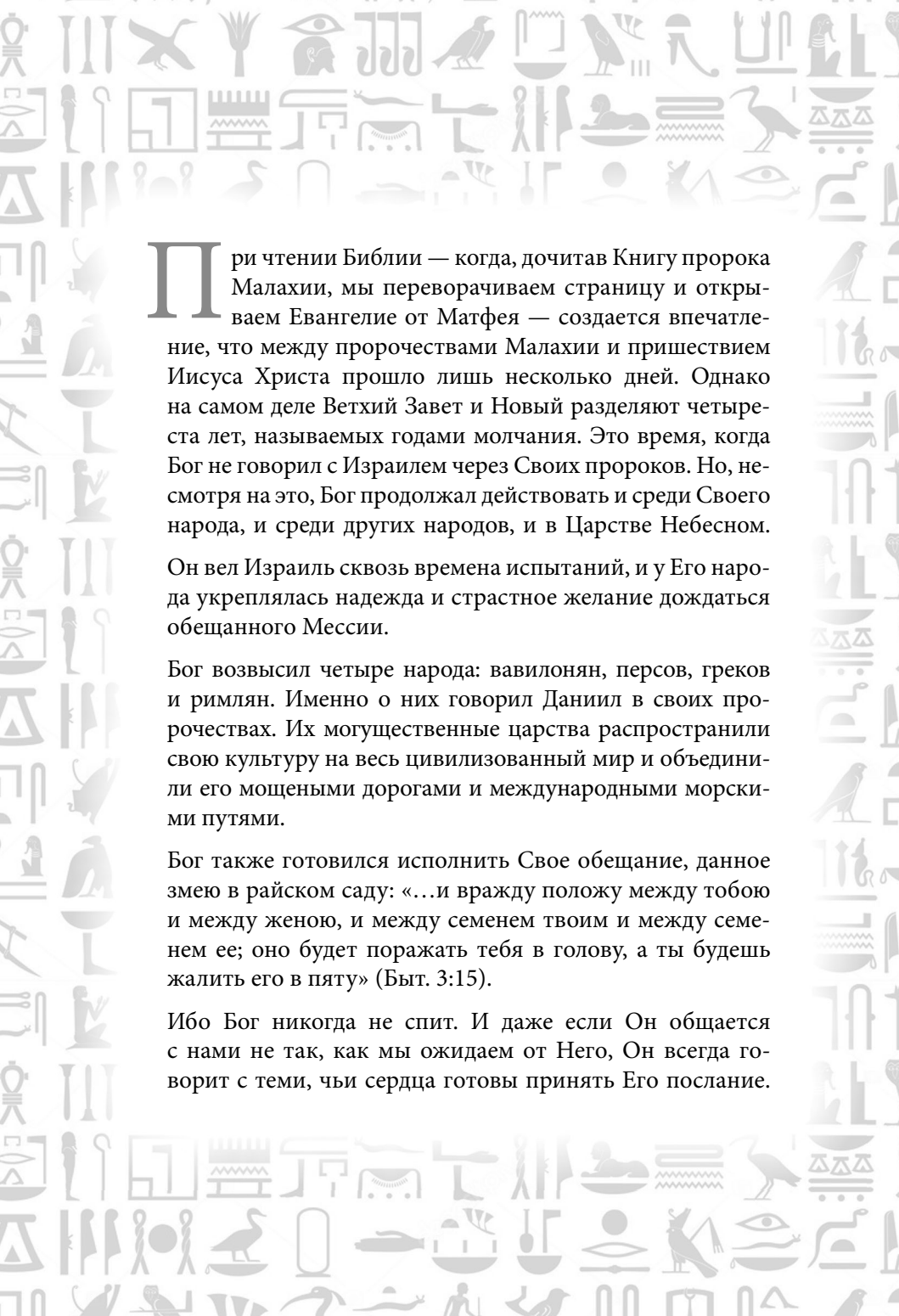


СЕСТРА КЛЕОПАТРЫ



АНДЖЕЛА ХАНТ



При чтении Библии — когда, дочитав Книгу пророка Малахии, мы переворачиваем страницу и открываем Евангелие от Матфея — создается впечатление, что между пророчествами Малахии и пришествием Иисуса Христа прошло лишь несколько дней. Однако на самом деле Ветхий Завет и Новый разделяют четыреста лет, называемых годами молчания. Это время, когда Бог не говорил с Израилем через Своих пророков. Но, несмотря на это, Бог продолжал действовать и среди Своего народа, и среди других народов, и в Царстве Небесном. Он вел Израиль сквозь времена испытаний, и у Его народа укреплялась надежда и страстное желание дождаться обещанного Мессии.

Бог возвысил четыре народа: вавилонян, персов, греков и римлян. Именно о них говорил Даниил в своих пророчествах. Их могущественные царства распространили свою культуру на весь цивилизованный мир и объединили его мощными дорогами и международными морскими путями.

Бог также готовился исполнить Свое обещание, данное змею в райском саду: «...и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту» (Быт. 3:15).

Ибо Бог никогда не спит. И даже если Он общается с нами не так, как мы ожидаем от Него, Он всегда говорит с теми, чьи сердца готовы принять Его послание.



ГЛАВА 1

Ни один историк не упоминает моего имени. А ведь мне довелось проводить много времени среди самых выдающихся мужчин и женщин своей эпохи. Я ходила по мраморным коридорам и нередко обедала с принцами и принцессами, но никто не принимал меня всерьез. Я оказывала влияние на женщину, повелевавшую сердцами замечательных мужчин, и все же меня ни разу не упомянули в их биографиях.

А мне есть что рассказать.

Моя мать умерла в тот день, когда произвела меня на свет. Мой отец, весь в слезах от горя, принял меня из рук повитухи, затем вышел на улицу и поднял высоко над головой, объявляя своей дочерью перед всеми. Няня пережевывала для меня еду, пока у меня не прорезались зубы, а раб помогал мне учиться ходить. Я жила в роскоши у самых стен царского дворца, и это неудивительно, ведь мой отец, известный как Даниил-ученый, часто брал меня с собой во дворец, и там я играла с другими детьми из знатных семей. И только когда я выросла, я поняла, что он делал это не ради меня, а ради другого ребенка, того, кто не мог покинуть царскую резиденцию в конце дня. Родные звали ее Урби, я же называла ее *подругой*.

Принцесса Урби из всех детей, которым выпала честь играть с ней, больше всех выделяла меня. Мы родились с разницей всего в несколько недель, одинаково развивались, а когда достаточно подросли, учились у одних и тех же учителей, среди них был и мой отец. После уроков мы играли в пятнашки

в дворцовом саду, бегая среди вельмож и бритых священников в белых одеждах. А в комнате Урби мы играли в кости и куклы, разговаривая их голосами. Мы прятались от наших нянек, а они корили нас за непослушание и звали подкрепление, чтобы отыскать нас. В царском зверинце мы держались за руки, разглядывая жирафов, медведей и змей — одна из них была длиной с целый корабль! Рядом с животными мы ощущали себя маленькими, но при этом знали, что находимся в полной безопасности.

И только когда заходило солнце, за мной приходил отец и забирал домой. Уже у себя дома я пересказывала старшему брату Асиру, сидевшему за уроками, мои приключения за день, а он смотрел на меня с завистью и презрением. Отец же молча слушал мою болтовню о прелестных подарках и иноземцах, говоривших на странных языках, которые падали ниц, когда сталкивались с нами в коридорах.

— Почему они это делают? — спросила я.

Отец не стал отвечать на вопрос, но дал мне совет:

— Ты должна наблюдать, слушать и учиться, Хава. Не каждой девочке Хашем* дает такие возможности, как тебе.

Я была еще маленькой и не понимала, как мне повезло. Я не знала, что очень немногим евреям был открыт доступ в царский дворец, как не знала, что существуют голод и нужда. Моя жизнь была непрерывной чередой игр и вкусных угощений; больше всего я боялась заболеть — тогда я не смогла бы видеть мою подругу.

Мое сердце жаждало радости, красивых платьев и сияющих драгоценностей, как у Урби в ее шкатулке. Я могла целый день разглядывать ее коллекцию туник из тончайших тканей и богато украшенных головных уборов... Я была совсем еще ребенком.

Будь я мудрее, я бы прислушалась к словам отца. Но в то время я не представляла, как быстро может измениться жизнь.

* Хашем — одно из имен Бога в иудаизме; буквально «Имя» (с определенным артиклем или с прописной буквы). Строго говоря, это не имя, а эвфемизм, «обозначение имени», используемое вместо имени-эпитета «Адонай» и иногда вместо «Элохим» (которые также традиционно избегают «произносить всуе») вне молитвы или религиозной службы. — *Примеч. ред.*

Когда нам с Урби исполнилось одиннадцать лет, ее отец, царь, уплыл куда-то на корабле, а народ при этом ликовал. Я не понимала, почему он уехал, а отец не говорил об этом ни со мной, ни с братом, но я слышала победные крики на берегу, когда корабль покидал гавань.

Вскоре после отъезда царя Авлета старшая сестра Урби, Береника, решила, что хочет стать царицей. Поскольку она была женщиной, народ Александрии ожидал, что она станет править вместе с мужем, поэтому сначала она вышла замуж за с принца из династии Селевкидов, который таинственным образом умер через несколько дней после свадьбы, а затем за жреца, который, судя по всему, устраивал ее больше. Поскольку я все еще была ребенком, то мало что знала о Беренике и вовсе не интересовалась ее двором. Меня волновала только Урби, которой, скорее всего, никогда не стать царицей.

Я радовалась, что Урби была второй дочерью, а не наследницей. Царицы обычно очень занятые женщины и обладают большой властью, у них нет времени на друзей. Пока Урби остается принцессой, мы будем с ней вместе.

Мы жили в прекрасном городе Александрия, греческом городе на северном побережье Египта. Отец Урби унаследовал трон от своего двоюродного брата, Птолемея XI, а тот унаследовал его от своего отца, и так до самого Александра Великого, грека, основавшего Александрию, которого горожане почитали как бога. Гробница Александра находилась в центре города, и цари из дальних стран приезжали посмотреть на хорошо сохранившееся тело.

Когда я спросила отца, почему многие из наших соседей зажигают свечи в честь Александра, а мы этого не делаем, отец ответил: несмотря на то что Александру почти удалось объединить все царства мира, он не сумел победить смерть, а значит, он не божество и не достоин свечей в свою честь.

— Вспомни Моисея, — продолжил он. — Моисею удалось объединить двенадцать колен Израиля, а это было *не проще*, чем объединение царств, но и он не сумел победить смерть,

чем доказал, что он всего лишь слуга Хашема, единственного истинного Бога.

— И его честь не нужно зажигать свечи?

Отец улынулся и взъерошил мне волосы:

— Совершенно верно, дочь.

Греки Александрии поклонялись многим богам, особенно Исиде и Дионису, которых выделял царь. Исида — древняя египетская богиня — изображалась, как правило, с солнечным диском на голове и считалась матерью богов и женой Осириса. Дионис не был египетским божеством, пока греки, прародители Урби, не высадились в Александрии. Дионис, юноша с длинными волнистыми волосами и тонкими чертами лица, был богом вина и виноделия. Птолемей объединил Диониса и Осириса, распространив власть нового божества повсюду, кроме еврейского квартала Александрии.

Все наши соседи поклонялись одному Богу, и Он не жил в мраморном дворце. Мы называли Его Хашем, что по-еврейски означает *Имя*, потому что Его настоящее имя слишком священо, чтобы использовать его в повседневном общении. Хашема нельзя увидеть, поэтому отец говорил мне, что мы никогда не станем поклоняться никаким идолам. Этим мы отличались от греков и египтян, ибо мы, сыновья и дочери Авраама, избраны, чтобы осчастливить этот мир.

— Как? — спросила я.

Отец улынулся:

— Хашем укажет нам, когда придет время.

— А как Он это сделает?

Отец явно не желал отвечать на этот вопрос.

Каждый седьмой день на рассвете мы шли в нашу синагогу, где собиралась вся община. Завернутый в бархат свиток Торы стоял в почетном углу, со своего места среди женщин я обычно смотрела на него и представляла себе писцов: они создавали этот пергамент, копируя священные слова Писания. Всякий раз, когда нужно было написать имя Бога, как говорил мне отец, писец брал новую палочку, макал в чернила и выводил имя. После этого палочка выбрасывалась и бралась новая.

Наш раввин вставал и читал из Септуагинты — перевода Писания на греческий язык. Многие в нашей общине не знали еврейского, поэтому, чтобы понимать слова Хашема, нам нужен был язык, которым владели все. Отец говорил нам с Асиром, что мы должны гордиться тем, что живем в такой выдающейся общине, ибо Септуагинта была создана в Александрии.

— Семьдесят два переводчика, по шесть от каждого из двенадцати колен, сделали перевод за семьдесят дней, — сказал отец, улыбаясь. — Хотя я сам этого не видел, но верю, что так все и было. Остальные письма были переведены позже.

Многие в нашей общине сохранили традиции александрийских писцов, поскольку среди них были ученые, как мой отец. Когда отец не учил кого-то из царских детей, он работал над самым важным трудом своей жизни — рукописью, которую называл «Заветы двенадцати патриархов». Он изучал Писание и обобщал, что патриарх каждого колена сказал бы своим потомкам, если бы ему представилась такая возможность. Он нередко звал меня посидеть с ним и послушать. Отец читал отрывок, затем пристально смотрел на меня через край пергамента, чтобы увидеть реакцию.

— Как тебе это? — спросил он однажды днем. — «И там опять я видел видение, как первое, после того как мы пробывали там семьдесят дней. И я видел семь мужей в белом одеянии, которые сказали мне: „Встань, надень одежду священства, и венец правды, и наперсник разума, и подир истины, и дощечку веры, и повязку главы, и ефод пророчества». — Отец опустил пергамент и прищурил глаза. — Тебе понятно значение этих слов?

— Да, отец.

— А можешь сказать, кто это говорит?

Я наморщила нос:

— Иуда?

— А кто были священниками? Левиты. Это Левий.

Отец снова вернулся к работе, а я склонила голову и раздумывала о семи мужчинах в белых одеяниях.

— Отец?

— Да, моя любознательная дочь?

— А как патриархи узнавали, чего хочет от них Хашем? Он говорил с ними через ангелов? Или беседовал с ними во сне, как с Иосифом? А Он может говорить со мной?

— Ну у тебя и вопросы! — Отец снова опустил пергамент, который до этого читал, и в его глазах появился насмешливый, но снисходительный огонек. — А для чего Хашему разговаривать с девочкой, когда Он не общается даже с пророками уже почти четыреста лет?

Я почувствовала, что краснею.

— Я не знаю. Он молчит. Но ведь Он говорил с Самуилом, когда тот был еще мальчиком.

— Да, говорил. — Отец погладил бороду и улыбнулся, возвращая мне уверенность. — И кто может знать, как Хашем будет говорить? Иногда Он говорит посредством величия гор или силы океана. А еще Он говорит через Тору, Писания и слова, записанные Его пророками в Танахе.

Я кивнула.

— Иногда Он говорит с нами голосами наших вождей — таких, как твой отец, раввин и даже царица. Ибо царское сердце — это поток воды в руке Адоная; Он его направляет, куда захочет.

Я снова кивнула.

— А иногда, — отец пристально посмотрел на меня, — Он говорит внутренним голосом, который пронзает сердце и душу человека... или даже ребенка. — На его губах заиграла улыбка. — У тебя еще есть вопросы?

— Пока нет. — Я соскользнула со стула и упорхнула.

* * *

Кто я такая, чтобы Хашем со мной разговаривал? Я всего лишь девочка, не имеющая ни власти, ни влияния. Но чем больше я об этом размышляла, тем больше меня завораживала мысль, что Адонай *все-таки* сможет со мной говорить. Если я стану внимательно прислушиваться...

Когда я была не с Урби, то брала с собой свою служанку и отправлялась к морю, где мы с ней смотрели, как волны разбива-

ются о берег, а я пыталась услышать голос Хашема. Но сколько бы я ни старалась, я не слышала Его голоса.

Я искала Его в голосе раввина, в рассуждениях отца, в разговорах женщин, сидевших со мной рядом в синагоге. Но я так и не услышала Адоная.

Прошло несколько месяцев. Мы наслаждались теплым весенним ветерком и готовились к летней жаре. Я проводила свои дни с Урби в прохладе каменного дворца, а по вечерам сидела дома с Асиром и отцом.

Однажды вечером, когда рабы зажигали свечи священного дня отдохновения, шаббата, не по сезону холодный порыв ветра ворвался в комнату из атриума. Свечи замигали, Асир рассмеялся, а я подняла взгляд к темно-синему небу, на котором уже зажглись несколько звездочек.

«Твоя дружба с царицей в Моих руках».

Голос доносился из ниоткуда, он был вокруг меня: позади, впереди, подо мной.

«Ты будешь с ней в ее самый счастливый день и в самый последний».

Я взглянула на Асира, затем на отца, ожидая, что они скажут что-нибудь или упрекнут того, кто посмел прервать наш субботний ужин. Но они оба смотрели на мигающие свечи, которые почти погасли, и молчали.

«И ты, дочь Израиля, познаешь себя и благословишь ее».

Пламя свечей выпрямилось и разогнало сумрак золотистым светом. Отец явно не слышал голос, потому что начал читать субботнее благословение:

— Благословен Ты, Господь, Бог наш, Владыка Вселенной...

А я почувствовала, как по рукам до самого затылка побежали мурашки.

И в этот момент мне стало ясно: моя жизнь переплетена с жизнью Урби, и Хашему угодно, чтобы я оставалась с ней рядом всегда.

